

ВЛАДИМИР КОВРИЖКИН

ПОД ГНЕТОМ ВЛАСТИ РОКОВОЙ

Из истории антикоммунистического движения в Томске. Воспоминания.

В СТАЛИНСКИЕ ГОДЫ

- Слава Иосифу Виссарионовичу Сталину - организатору и руководителю славных побед советского народа, великому учителю и вождю всего передового человечества!

И - гром аплодисментов. И все встают. И вместе со всеми встаю и я. Встаю и хлопаю в ладоши. Хотя к этому времени уже отлично понимаю, что из себя представляет Сталин, да и вся советская власть.

А попробовал бы кто-нибудь не встать и не захопнуть.

Это сейчас можно ругать президента, правительство и чувствовать себя молодцами, ничем при этом не рискуя. В те времена не то что ругать, но даже быть заподозренным в недостаточно усердном одобрении тогдашней власти грозило человеку гибелью.

Такая же, как и во всей стране, атмосфера была и в Томском университете, учиться в который - на историческое отделение историко-филологического факультета - я поступил в сорок восьмом.

И с глазу на глаз студенты опасались откровенно говорить между собой на политические темы, если их взгляды хоть в чем-то не совпадали с официальными.

Был такой случай. Студент из нашей группы Женя Чепижный в дружеском разговоре с комсоргом группы выразил некоторые сомнения... Нет-нет, не в гениальности Сталина, не в правильности генеральной линии партии, не в преимуществах советского строя - такие сомнения сразу стоили бы ему свободы - нет, только лишь в том, действительно ли русские везде и во всем всегда были первыми, что в то время - время борьбы с космополитизмом - тоже было согрешением, но не таким уж неискупаемым. Комсорг обратился к старшим товарищам: как помочь сокурснику отрешиться от заблуждений? И началась "проработка" провинившегося. К счастью, до исключения из университета дело не дошло: уж слишком не подходил парень под созданный пропагандой облик коварного и хитрого космополита. Он был отнесен к разряду незрелой молодежи, подпавшей, было, под чуждое идеологическое влияние, но в результате своевременной воспитательной работы осознавшей свои заблуждения. Лишь из комсомола исключили.

Но если со студентом все более-менее обошлось, то с преподавателями - не обошлось.

В первый год нашей учебы вдруг исчез читавший нам курс истории древнего мира профессор К.Гриневич, и на его место был поставлен доцент, не обладавший культурой и эрудицией Гриневича, но четко владевший марксистской методологией. С кафедры истории СССР так же куда-то исчез старший преподаватель Сидоренко. А профессор с кафедры новой истории Кугель был арестован, и даже известно за что: сказал на лекции, что Мао Цзе-дун в прошлом был большим путаником в марксизме, и неизвестно еще, что из него получится в будущем. Тогда с Китаем у СССР была крепкая дружба.

Был и другой путь для провинившихся - из столицы в Томск. Так, из Москвы в Томский университет прибыл в те годы опальный профессор Разгон: он не так, как требовалось партийному руководству, осветил события гражданской войны на Северном Кавказе.

В ПЯТИДЕСЯТЫЕ

В 51 -м году я заболел и вынужден был прервать учебу; восстановился в университете в 55-м. Это было уже другое время. Подуло, слабо еще, но подуло свежим ветром. Наступила первая оттепель. В комнатах студенческого общежития начали вестись иные, чем раньше, разговоры.

Помню, как в прошлое мое пребывание в Томске, при жизни Сталина, разговорились мы откровенно на политические темы с тем же Женей Чепижным. В середине разговора он вдруг бросился к дверям: ему показалось, что нас кто-то подслушивает. Причем Женя был, пожалуй, единственным человеком, с которым я мог в то время откровенничать.

Теперь вести вольные разговоры можно было со многими. И не замолкать, когда в комнату входил кто-нибудь еще. Весной 56-го в актовом зале университета (студенческий читальный зал Научной библиотеки) факультету за факультетом был прочитан доклад Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина. Только прочитан вслух и спрятан в партийные сейфы. Но уже и это имело большое значение.

Нет, не в том смысле, что этот доклад раскрыл нам глаза на Сталина. Термин "дети XX съезда", который одно время начали применять к "шестидесятникам" (впрочем, почему "шестидесятникам", а не "пятидесятникам", ведь большинство из противников режима "проявилось" в пятидесятые годы?), мог быть применим только к их части, многие же и до съезда понимали, что из себя представляет коммунистический режим. Значение съезда состояло не только в том, что он раскрывал людям глаза, - сколько в том, что давал какие-то возможности более свободного, или, вернее, чуть более свободного выражения своих взглядов тем, кто не принимал существующую власть.

И то, насколько мало должно быть это "чуть", власть показала уже вскоре.

В послесъездовские месяцы в центральной печати появились статьи, сетовавшие на идейное брожение среди студенческой молодежи, на то, что в ряде вузов имели место публичные политические "ошибочные" высказывания.

Осенью этого года такие высказывания прозвучали и в Томском университете.

Я не ожидал ничего интересного от объявленной дискуссии на рутинную тему о роли комсомола. И не пошел на нее. А стоило бы.

Друзья-однокурсники вернулись с дискуссии, полные впечатлений.

Дискуссия свернула с предначертанного для нее пути, и зазвучали неприличные для открытого выступления слова, выражавшие сомнения в правильности советской системы, недоверие к официальной пропаганде ("Почему правду мы узнаем лишь из иностранного радио?"), звучали такие непривычные словосочетания, как "застенки ЧК", "советский тоталитаризм", "коррупцированные коммунисты-чиновники".

Выступил на дискуссии и студент из нашей группы пятикурсников-историков Валентин Коляда. Это был любимец группы, общительный, бойкий человек, с неординарным умом; его суждения на семинарах с интересом воспринимались и нами, и преподавателями. И здесь он не смог просидеть спокойно, с пылом кинулся в полемику.

Как ни заступалась группа, Валентин был исключен из университета.

За выступление на дискуссии, а также за другие высказывания, расцененные как антисоветская агитация и пропаганда, преподаватель философии пединститута Эрик Юдин был приговорен к шести годам заключения. О его дальнейшей судьбе имеются сведения в книге Федора Бурлацкого "Вожди и советники". Юдину удалось досрочно выйти на волю. Он редактировал одну из книг Бурлацкого, и тот вспоминает: "Мы встречались с ним дома, и я слушал, мучаясь от сострадания, как он пел заунывные лагерные песни. Умер Эрик совсем молодым, не выдержав жестокого испытания, которое обрушила на него оттепель с ее перепадами политической погоды".

Были в то время вузы Томска "очищены" и от ряда других неблагонадежных преподавателей. Так, с кафедры новой истории университета уволен Николай Черкасов. По той же причине политической нелояльности уволены молодые преподаватели Юрий Куперт и Игорь Шакинко. Между прочим, я до моей болезни учился с ними в одной группе, и ни я не подозревал об их образе мыслей, ни они о моем.

Уволенные отправлялись работать на заводы: считалось, что здоровый рабочий коллектив способен быстро перевоспитать неустойчивых интеллигентов. Кто уж кого перевоспитывал - сказать трудно, но считалось, через некоторый карантинный срок оступившийся исправлялся, и ему разрешалось вернуться - не обязательно на прежнее

место и не обязательно по специальности, но все-таки ближе к специальности.

В ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

В 64-м в Томске образовалась - хотелось бы сказать - первая, но не знаю, возможно, были и другие, антикоммунистическая подпольная группа, ставшая известной в городе.

Собиралась группа в моей холостяцкой комнате в жилой постройке, находящейся во дворе краеведческого музея. Кто входил в состав группы?

Братья-близнецы Владимир и Игорь Мицко, студенты-историки университета. Украинцы, сыновья священника, высланного после войны с Западной Украины в Казахстан. Естественно, патриоты Украины, но не заклинившиеся на национальных проблемах. Оба - убежденные демократы.

Вадим Попов. Студент факультета иностранных языков педагогического института. До этого был студентом исторического отделения университета, исключался оттуда за антисоветские высказывания, работал на заводе. Увлекался философией, ее идеалистическими направлениями. По убеждениям был монархистом. Что не мешало самым братским его отношениям с нами, республиканцами. В то время эти различия в убеждениях представлялись нам чем-то весьма отвлеченным, не очень существенным - главное, что всех нас объединяло, было отрицание существующего строя: свалить его, а там разберемся.

Николай Томилов - студент из той же группы, в которой учились братья Мицко. Юрий Ануфриев, тоже историк, человек со склонностью к решительным действиям. Олег Гончаренко - студент медицинского института. Ну и, само собой разумеется, автор этих строк, после окончания университета работавший в музее, в школе, а в данное время в газете медицинского института.

Это все - костяк группы, ее постоянный состав. Были и появлявшиеся временами. Из Болотного, например, приезжал Алексей Кубышкин, окончивший в Томске библиотечный техникум, человек энциклопедических знаний и склонный к широким обобщениям и парадоксальным выводам.

Чем мы занимались? Какие цели перед собой ставили?

В условиях тех лет единственно реальной формой подпольной деятельности могла быть только пропагандистская. Но для пропаганды надо было разработать ее идеологическую основу. Вот этим мы и стили заниматься в нашей группе. Выступали с докладами, обсуждали их. Всего было сделано докладов десять. Мною прочитано три. Один - о диалектике отношений общества и власти. Другой доклад - со сравнительным анализом регулируемой и саморегулирующейся экономики. И третий - о классовом составе советского общества и отношениях между классами. Другими членами группы были сделаны доклады о единовластии ("культе личности") как неизбежном порождении советской системы, о внешней политике советского государства, о венгерской революции 1956 года, о сущностном подобии коммунистической и фашистской моделей тоталитаризма и другие.

Вечером 27 декабря 1964 года была очередная наша сходка. Доклад делал Коля Томилов. Обсуждали горячо и, как обычно, довольно громко. Это была постоянная беда: квартира коммунальная, все слышно, и никак нельзя заставить друзей говорить потише.

А тут еще пришедшая к соседям гостя к нам в комнату заглянула: карандаш попросила. Как раз во время доклада.

Сходка кончилась. И по дороге с нее Томилов был задержан. К нему вдруг подбежал мужик и стал кричать, что тот сдернул у него с головы шапку. Сейчас же появились дружинники, и Колю повели в штаб дружины. Надо видеть Колю, молодого человека интеллигентной внешности, чтобы понять: никак, ну никак не мог он заниматься такими делами. Тем не менее работник милиции, находившийся в штабе, начал обыскивать его, причем искать шапку он стал... в папке с бумагами, перебирая их одну за другой. И искал,

пока не нашел доклад. Уже несколько прочитанных строк показали его направленность. Немедленный звонок в КГБ. Папка была изъята, а Колю отпустили, велел утром явиться в КГБ.

Естественно, он немедленно сообщил об этом нам. Через день утром ко мне постучали. Это был человек, которого я знал, когда он был студентом юрфака. Оказывается, теперь он как сотрудник КГБ "опекал" медицинский институт, в котором я в это время работал в редакции институтской газеты "За медицинские кадры". Он предложил мне проехать к начальнику комитета государственной безопасности.

Начальник сразу обрушился на меня с требованием во всем признаться, а когда признания не последовало, обвинил вдруг... в трусости. Боюсь, дескать, все честно рассказать. Такая странная логика, может, и имела бы смысл, если бы речь шла только лично обо мне, а не обо всех нас вместе.

Мы заранее договорились вести такую линию: друзья, собираемся (друзья же) и мнениями обмениваемся (а разве нельзя?), но никакого организованного начала в этих встречах и разговорах нет. И всякую конкретику - кто, о чем, - "забыть".

А потом, уже в кабинете Боровика, допрос на весь день. И весь день было неясно: отпустят - не отпустят. Но хотя и поздно вечером - отпустили.

Был еще не один допрос - и меня, и моих товарищей. Не сразу, но постепенно почувствовалось: не хотят раздувать наше дело. Установка, видимо, пришла - не отмечать политическими процессами начало правления Брежнева. К весне 65-го определились: уволили меня с работы. Исключили из университета Томилова и братьев Мицко. Томилова призвали в армию, Мицко и меня направили на "перевоспитание" в заводские коллективы.

Однако и после ее раскрытия группа не сразу распалась. Оказалось, что можно что-то делать и будучи раскрытыми. Кто-то отошел, но кто-то, наоборот, присоединился к нам. Так, нашел нас и стал активно участвовать в наших делах Николай Статеев, механик по специальности, энергичный, деятельный.

Летом возобновили свои встречи, но уже за городом, вдали от "всеслышащих ушей". На одну из встреч приезжал из Болотного Алексей Кубышкин; он прочитал доклад о партии эсеров: ее истории, идеологии.

В это время мною была завершена задуманная ранее в качестве программной работа, содержащая анализ сформировавшегося в стране строя и определяющая цели, стоящие перед демократическими силами.

Попытались передать эту программу на Запад - не удалось. Сестра Статеева Галина Журавлева поехала в Москву, положила рукопись в тайник и безуспешно пыталась пройти в иностранное посольство. Когда через год сам Статеев оказался в Москве, программы в тайнике уже не оказалось.

Мне тогда говорили: "Ну что ты влез в это? Ведь все бесполезно. Монстр слишком силен. Жил бы в свое удовольствие."

Да, монстр был действительно силен, и я соглашусь, что наше тогдашнее противостояние ему было безрезультатным. Монстр был сокрушен позднее независимо оттого, схватывались мы с ним тогда, в шестидесятых годах, или нет. И, действительно, я мог бы прожить более благополучную жизнь. Но вот в удовольствие ли? Самые светлые, самые чистые мои воспоминания на всю жизнь - о том времени. Когда нас было немного и когда у нас не было никакой надежды на близкий успех, но мы все-таки что-то пытались делать, потому что иначе - не могли.

Владимир КОВРИЖКИН.

Пос. Красная Горбаты

Опубликовано: Газета «Томский вестник». 17 февраля 1995 г.